

Макаренко, какого мы никогда не знали, или Куда реформировать школу

Валентин КУМАРИН, доктор педагогических наук, профессор

Плохо не то, что кто-то кричит и плюётся, а плохо, что я не могу защитить никаких позиций: у беспартийного человека позиций быть не может. Кроме того, где моя партия? Кругом такая шпана, что не стоит с нею и связываться.

Из письма А.С. Макаренко к Г.С. Салько, 27–28 апреля 1928 г.

Устарел ли Макаренко, или Что такое «новое», а что «старое»?

Некоторые «доказывают», что устарел. Вот послушайте: «Статью «Великий педагог ГУЛАГа»¹ прочёл с удовольствием — и профессиональным (как преподаватель), и чисто человеческим. Хотелось бы дополнить её несколькими соображениями.

---

¹ См.: Азаров Ю. Великий педагог ГУЛАГа. Макаренко и сталинизм // Труд. 1992. 17 октября.

Помню, как в своё время меня неприятно поразила и больно задела аналогия, которую «гуманист» Макаренко привёл в своей лекции «Методы воспитания»: «Ведь учат врача производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить»². Обратите внимание на кавычки, в которые Макаренко берёт слово, — дальше будет видно, почему он это делает.

---

² Горелов А. Идеи вместо идеала // Труд. 1993. 28 января.

Прочитав Макаренко слово в слово, без отсебятины и подлога, доктор философских (!) наук Анатолий Горелов приходит к выводу: «Вот так — не больше и не меньше. Трепанация (кавычки пропали — дальше увидите, по какой причине. — В.К.) сознания людей стала основной задачей сталинской педагогики»³. Создателем сталинской педагогики Анатолий Горелов — вслед за Юрием Азаровым — считает Макаренко и предьявляет ему обвинительное заключение: кроме трепанации (без кавычек!) вешает на него «воспитание без свободы», «подавление личности во имя интересов коллектива», «разделение людей на «наших и ненаших», «создание образа врага», возвращение с помощью этого образа и «с помощью внушения» «стаи, которая будет действовать, как один, по приказу вожака». И приговор: «Конечно, сам Антон Семёнович Макаренко, безусловно, личность. Но если отказываться от сталинизма, надо отказаться и от его фетиша — макаренковской «педагогики». По моему мнению (Анатолия Горелова. — В.К.), она не может не рухнуть вместе со сталинской системой»⁴.

---

³ Там же.

⁴ Там же.

А теперь тщательно вымоем руки и натянем медицинские перчатки, чтобы трепанировать череп автора приговора и поискать в его мозге повреждённый участок, — а вдруг поможет нейрохирургия? Вскрываем 5-й том сочинений Макаренко (1958 года издания!). Внимательно обследуем контекст, который со всех сторон окружает слово «трепанация» без кавычек и в кавычках.

Из контекста следует, что в коммуне имени Феликса Эдмундовича Дзержинского воспитывался беспризорный мальчик по фамилии Терентюк. На сцене коммунарского театра он проявил незаурядный актёрский талант. Как пишет Антон Семёнович, «талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика»⁵.

⁵ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 119.

И сам Антон Семёнович, и вся коммуна не сомневались, что Терентюк выберет профессию актёра. Но случилось непредвиденное. В те годы самой престижной была профессия инженера, а Терентюк, на беду, был круглым отличником и, несмотря на советы и уговоры, поступил в технологический институт, понадеявшись, вероятно, на то, что круглому отличнику любое образовательное море не выше, чем по колено.

Удручённый таким решением одного из лучших и умных воспитанников, Антон Семёнович пишет: «И вот он ушёл в технологический институт при моём глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актёра. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку...»⁶

---

⁶ Там же. С. 119–120.

Прошло полгода. Прогноз Антона Семёновича, что если Терентюк и станет инженером, то очень посредственным, подтверждался у всех на глазах. Парня надо было срочно спасать от жизненной катастрофы. И вот тут Антон Семёнович не выдерживает: «Я подумал-подумал и решил — вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушёл в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум (коллектив «подавил» личность. — В.К.)». Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллективу он не мог, — он получал стипендию (100 рублей от коммуны — добавка к государственной стипендии. — В.К.), общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актёр, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен»⁷.

---

⁷ Там же. С. 120.

Дальше прошу следить за каждым словом, за каждой запятой и за каждой кавычкой. Минули годы. Терентюк с успехом играет в театре. Но Антона Семёновича по-прежнему терзают сомнения. Он снова и снова возвращается к этому случаю и честно признаётся, что обосновать своё решение как педагогический закон ему не удалось и что он не знает, может ли такой закон быть или не может: «Но всё-таки, если бы *теперь* (здесь и далее курсив мой. — В.К.) передо мной стояла такая задача, я бы *боялся* её решить, — кто его знает, какое я имею *право* произвести *насилие*? Вот право производить такую *ломку* — вопрос для меня *не решённый*. Но я глубоко убеждён, что перед *каждым педагогом* такой вопрос будет вставать — имеет ли право *педагог* вмешиваться в движение *характера* и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за *этим* характером? Я считаю, что вопрос должен быть решён так: имеет право. Но как это сделать? В каждом *отдельном* случае это надо решать *индивидуально*, потому что одно дело — иметь право, а другое дело — уметь это сделать. Это две *различные* проблемы. И очень возможно, что в *дальнейшем (!)* подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей производить такую ломку. Ведь учат врача (вот оно! — В.К.), как производить трепанацию черепа (в то время такая операция была столь же ответственной, как сегодня шунтирование или трансплантация. — В.К.). В наших условиях, *может быть*, будут учить педагога такую *«трепанацию»* (понятно, почему появились *кавычки*? — В.К.) производить, — может быть, более *тактично*, более *успешно*, чем я это сделал (кишка тонка: учить «трепанации», т.е. выявлять, раскрывать, возвращать и реализовать врождённые способности, если единственный свет в окошке — «государственный образовательный стандарт»! — В.К.), но как, *следуя за качествами личности, за её склонностями и способностями*, направить *эту* личность в наиболее нужную для неё (!) сторону»⁸.

---

⁸ Там же. С. 120.

Что в такой «трепанации» можно усмотреть крамольного, не скажет ни один человек, который способен мыслить и рассуждать «в пределах нормы». Поэтому «трепанация», кото-

рую я на ваших глазах устроил доктору философии, была оправданной и будем надеяться, что она поможет ему избавиться от комплекса фальсификации и очернительства. У меня даже есть гарантия, что так оно и будет. Гарантия такая. 24 ноября 1950 г., «Литературная газета» опубликовала мою статью «Ещё о Ломоносовых, таланте и призвании», в которой я упомянул и о случае с Терентюком. На статью пришло много откликов. Один из них, написанный актёром А.Евтушенко, газета передала журналу «Народное образование», где он и был напечатан. А.Евтушенко писал, что, принимая столь ответственное решение, общее собрание и Антон Семёнович не ошиблись. Дмитрий Филиппович Терентюк стал на самом деле замечательным актёром. Только за три года он сыграл на сцене театра в городе Энгельсе около дюжины сложных ролей. Тут и Оргон в «Тартюфе», и Никита во «Власти тьмы», и Павел Петрович в «Сонете Петрарки».

Товарищи по работе восхищались Терентюком и вслух, и втайне, но он никогда не был доволен собой. «Такой ясный в создаваемых им образах, он казался нам до крайности непонятным в повседневной жизни. Если смотрит — так непременно с грустью, если молчит — так непременно долго. Молчит, когда спор, как пожар, перебрасывается от соседа к соседу, охватывая всех, кто способен воспламениться и гореть. Глядишь на него и думаешь: равнодушен.

Неправда! И ещё тысячу раз неправда! Я видел, как однажды он не оставил камня на камне от доводов секретаря горкома А., повелевшего выбросить из спектакля «Сонет Петрарки» сцену, в которой показывались плохой партийный работник и разложившийся молодой скрипач»⁹.

---

⁹ *Евтушенко А.* Макаренко не ошибся // НО. 1963. № 3.

И дальше: «Это был человек, душевный порох которого не зависел от погоды и всегда оставался сухим. В споры же он не вступал потому, что их значимость казалась ему сомнительной».

...В пятьдесят лет Д.Ф. Терентюк первый раз встретился с матерью. «Встречу он переживал удивительно тихо. Было только заметно, что в такой ситуации человеку трудно даётся радость».

...За три года, которые Д.Ф. Терентюк прослужил в театре города Энгельса, он лишь однажды, да и то по настойчивой просьбе горкома комсомола, скупо рассказал о себе: «Безпризорничал. Сняли с поезда, привели к Антону Семёновичу. Я стою у порога, а он сидит за столом и пишет. На меня — ноль внимания. Ровно стоять без привычки трудно, и я прислонился к косяку, стою вразвалочку. А он как будто этого только и ждал, спрашивает:

— Для чего служит косяк?

— Ясное дело, — говорю, — чтобы дверь держать.

То ли ему мой ответ понравился, то ли ещё почему, а только мораль за мою «вразвалочку» он мне читать не стал. Спросил, как зовут. Хочу ли жить в коммуне.

...А потом началось то, о чём в его книгах написано. Учились ремеслу, учились дружить. Короче говоря, жить учились. Много нас было, но он каждого знал. Знал, кто чем дышит. Я, к примеру, после школы в технологический институт подался. Учился средне. Антон Семёнович считал, что моё призвание быть артистом, и вскоре судьбу мою решило общее собрание коммунаров. Теперь вот работаю на сцене... много лет».

Ну чем не гарантия? Если мало, добавлю ещё одну. В 1961 г. мы с Дмитрием Филипповичем познакомились на даче супруги Антона Семёновича. Как водится, приняли по рюмашке и разговорились. Я напомнил про случай в коммуне. Он рассмеялся и подставил мне голову: «Можешь пошукать, шви повинні залишитись». Я пошукав, иле ничего не знайшов.

Не далеко от доктора философских наук ушёл и доктор педагогических наук, профессор А.Карамышев, только этот совсем уже человек АПН-РАО с её уникальной «методологической культурой». Выступая в 1988 г. на довольно шумной педагогической тусовке, в которой участвовали представители 50 университетов и педагогических вузов ещё небывшего СССР, он, сам того не ведая, установил рекорд академической «рассеянности». Вот «стрела», кото-

рую он, под аплодисменты всей секции «Демократизация образования» (рук. Ю.Азаров), выпустил, целясь в сердце «устаревшей» мишени: «Даже у Макаренко есть установка на то, что нужно воспитывать *борца, полного инициативы*. Борца с врагами народа!»¹⁰

---

¹⁰ См.: Шпеко А. Стратегия: выигрывают все // Учительская газета. 1988. 20 декабря.

Защитив обе диссертации по «педагогике трепанации», я, к счастью, не забыл, где находятся слова, которые я выделил курсивом. Они приводятся в блистательной, ироничной, можно даже сказать, желчной статье Антона Семёновича «Цель воспитания». В этой статье он тычет носом сегодняшних и будущих профессоров, «новаторов» и «инноваторов» в самую важную проблему педагогики, в проблему, о которой они слыхом не слыхали (сегодня, между прочим, тоже не слышат), в проблему «*собственно воспитания*». Он пишет: «В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя дельным соображением, что это «всё равно». Ещё через год они расширили идеал и возглашали, что мы должны воспитывать «*борца, полного инициативы*»¹¹.

---

¹¹ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 5. С. 345–346.

И дальше: «С самого начала и проповедникам, и ученикам, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса об «идеале» проверить педагогическую работу всё равно никому не доведётся, а потому и проповедь указанных идеалов была делом совершенно безопасным»¹².

---

¹² Там же.

Выше я отметил, что заявление доктора педагогических наук, да к тому же профессора было встречено разве что не телячьим восторгом. Но это мелочь, *главное*, что ни один представитель 50 университетов и педагогических институтов не заметил «оговорки», не почувствовал *стилистической* фальши — «*борца, полного инициативы*» автор «Педагогической поэмы» не сумел бы выговорить даже под пыткой!

Что тут сказать? По большому счёту — нечего. Такая у нас «профессорская» эрудиция и другой пока ждать не приходится.

Конечно, не все копают так «глубоко» и «основательно», как Азаров, Горелов и Карамышев. Они хотя бы понимают, что Макаренко гениален. Но попадают индивиды, особенно среди выпускниц журфака, счастливо уверенные в том, что для них не существует крепостей, которые они не могли бы взять с ходу. Эти спроваживают Макаренко в богадельню для престарелых «одной левой» (четвёртая власть!): «Да, педагогика Макаренко была хороша для своего времени. Потому что была естественна, потому что распространялась на *кучку* детей. Возможно, она годится и для нынешних малолетних преступников. Но ведь не все дети нуждаются в перевоспитании»¹³.

---

¹³ Репьева И. Глоток из лужи // Учительская газета. 1990. № 48.

Если кто-то ждёт, что сейчас я učinю такую «трепанацию», что чертям будет тошно, то он ошибается. Как бывший флотский офицер, я до сих пор свято блюду главную морскую традицию — с выпускницами журфака договариваться по-хорошему. Они, как правило, умные. А уж если и такая «прикольная» (видели бы вы фотографию при статье, в которой педагогика Макаренко подверглась столь суровому осуждению — херувимчик с пасхальной открытки старорежимных времён), то — особенно аккуратно.

Лично у меня нет сомнений, что юную журфаковку ввело в заблуждение недостаточное понимание того, что есть *старое*, а что можно и надо считать *новым*. По традиции *старым* считается то, что было, а *новым* — то, что есть. Этот критерий я называю *хронологическим*, а стало быть, беспросветно *ложным*. Все знают, к примеру, что закон Архимеда был открыт 2300 лет назад. Но кто, где и когда сказал, что этот закон устарел? А пропорции Парфенона?

Когда их соблюдают один к одному, т.е. без отсебятины, получаются Париж и Санкт-Петербург, а когда подходим «творчески», получаются уродища вроде сталинских «высоток».

Колесо. Какой гений додумался до этого изобретения, к сожалению, не известно. Но кто же станет оспаривать, что к высадке на Луне, к Интернету, к расшифровке человеческого генома мы приехали на этом скромном транспорте? Не будь колеса, мы и сегодня сидели бы на деревьях и вертели хвостами.

Примеров, подобных этим, тьма-тьмушая. И когда всевозможные шарлатаны пробуют «доказывать», что мы умнее, чем наши предки, пусть даже отдалённые от нас десятками, а возможно, и сотнями тысяч лет, то моя рука сама тянется к револьверу. Ничто не устаревает раньше, чем на его месте не появится нечто *более совершенное, экономичное и полезное* (спросите Билла Гейтса — он подтвердит), т.е. *новое* не в хронологическом, а *исключительно в практическом, прагматическом* смысле слова. Это и только это является *подлинным критерием подлинно нового*.

А теперь, не опускаясь до низкопробной схоластики и не надуваясь квасным патриотизмом, скажите: кто, когда и где, включая «ближнее и дальнее зарубежье», воспитывал и учил детей лучше, чем Макаренко? Прошу, конечно, прощения за этот удар ниже пояса, но, прежде чем напрягаться, прочитайте всё до конца.

Вопрос о «тех временах» и о «временах наших» я считаю глупым. Если «те времена» были *как раз* для педагогики Макаренко, то почему она так и не вышла за пределы колонии имени Горького и коммуны имени Дзержинского? Тем более странно, что желающие посмотреть на них, увидеть своими глазами, как они невозможное делают возможным, съезжались не только со всех концов СССР, но и со всех частей света, включая Китай и Бразилию. И потом: какие имена! Юлиус Фучик, Анри Барбюс, Эдуард Эррио (французский премьер), Корней Чуковский, Александр Жаров... А куда бы они сегодня поехали, чтобы увидеть такое же? В Академию педагогических наук? В Министерство образования?

Специально для очаровашки-журфаковки, которая разбила мне сердце своей «прикольной фоткой» и которая отыгралась на Макаренко только потому, что в пьяном колхозе её, студентку-журфаковку(!), заставляли копать картошку под видом... «трудового воспитания», предлагаю нижеследующие оправдательные показания. В тезисах к лекциям для работников Наркомпроса (1938 г.) Антон Семёнович ещё в «те времена» выделил три типа «искривлений» (его слово!) в советской педагогике: тип дедуктивного предсказания, тип этического фетишизма и тип уединённого средства¹⁴.

---

¹⁴ См.: Макаренко А.С.: Соч. в 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 104.

По молодости лет журфаковка недооценила именно тот тип (этический фетишизм), который к её колхозным приключениям относится прямо и непосредственно: «Ошибка типа *этического фетишизма* (курсив автора. — В.К.) заключается в том, что и средство, и метод ставятся рядом с понятием, этическое содержание которого не вызывает сомнения. Вот это самое *стояние рядом* и считается аргументом, достаточным и не подлежащим *контролю*. Такие ошибки совершаются нашей педагогической мыслью. Сюда нужно отнести *многие* попытки организовать *так называемое* трудовое воспитание. Соседство такого понятия, как труд, оказывалось *достаточным*, чтобы быть уверенным в спасительности многих средств, собственно говоря, никакого отношения к труду *не имеющих*»¹⁵.

---

¹⁵ Там же. С. 105.

Этот «тип» Антон Семёнович иллюстрирует собственным опытом: «В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалования в размере полпроцента. Это давало в месяц около 2000 рублей. А мне нужно было до 4000–5000 рублей в месяц, только чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу. Остальные 2000–3000 рублей мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые ещё от Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надеж-

ды, — это сапожная, швейная и столярная. Эти мастерские, — сапожная, швейная и столярная, — как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причём сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, то есть тот тип мастерского, который нам сейчас абсолютно не нужен»¹⁶.

---

¹⁶ Там же. С. 194–195.

И далее: «Такое же было оборудование и в столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая всё вручную.

Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам, и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пелёнки, положить заплату и сшить себе кофту.

Все эти мастерские вызывали у меня *отвращение* ещё в колонии имени Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены. Поэтому я со своим *советом командиров* закрыл их через неделю, кое-что оставив для наших собственных нужд»¹⁷.

---

¹⁷ Там же. С. 195.

Поскольку отвращение было, а выхода не было, стали гадать думку. И нагадали: на кладбище нэпманов раскопали полузадушенного чудо-менеджера, а с его помощью за два года отгрохали два суперсовременных завода. Один по австрийской лицензии стал выпускать первые в СССР электрические дрели, а второй погнался на пустующий рынок узкоплёночные фотоаппараты (по германской лицензии). А дальше пошло и поехало: полная самокупаемость, фантастический достаток и 5 миллионов рублей в доход государственного бюджета. Это и есть *трудовое воспитание*, как понимал и культивировал его Макаренко.

Как видите — чистое недоразумение. Поэтому не от искренней влюблённости в фотографию, а сугубо по объективным причинам («шёл в дверь — попал в другую») я бы считал, что милое журфаковское существо заслуживает снисхождения.

А теперь шутки в сторону. Что будем делать? Последуем совету доктора философских наук и откажемся от «сталинского детища»? Или, перед тем как принять решение, попробуем разобраться, кто же он такой, этот Макаренко, какого мы действительно никогда не знали (и не очень рвёмся узнать), и что представляет собой его *суперновая педагогика*? Если решили разобраться, тогда закатывайте рукава, потому что работа предстоит серьёзная. После того как «великие основоположники» вкупе с «научными психологами» перевернули всё на свете, включая педагогику, с ног на голову, предстоит обратный процесс, возвращение от ходьбы на голове к ходьбе ногами. А можно и так сказать: зачистка мозгов от коммунистической виртуальности, от иррациональных марксистских и «научно-психологических» стереотипов, возвращение в мир реальности, который от этих стереотипов отличается ещё больше, чем бразильский карнавал отличается от заточения в монастырской келье.

Ещё раз о том же, но при участии Гераклита, Демокрита, Штирнера и Ленина

Любителям праздной болтовни — «тогда были одни условия, а теперь другие», «тогда были одни дети, а нынче совсем не такие», — скажу так: а вы пробовали подтвердить это утверждение *фактами*? Не просто ляпнуть как нечто само собой разумеющееся — раз «всё течёт, всё изменяется...» и ничто не остаётся неподвижным и неизменным, раз «в одну реку нельзя войти дважды» (на самом деле в неё можно входить хоть тысячи раз, если не поддаваться схоластике), а внятно объяснить, почему *именно*, по каким таким *причинам* «*те дети*» и «*те времена*» принимали педагогику Макаренко, а «*наши дети*» и «*наши времена*» якобы отвергают её? Что они принимают только «государственный образовательный стандарт»,

«воспитывающее обучение», «обучение на высоком уровне трудности», «развивающее обучение» и «управление качеством знаний»?

Вопрос, конечно, трудный, поскольку говорить «вообще» мы научились, а «конкретика» нас почему-то притомляет. Поэтому я попробую помочь наводящими вопросами:

1. Вы когда-нибудь пробовали отсечь от своего сознания марксистскую пуповину? Ту самую, с которой сознание Минобраза срослось намертво?

2. Вас не подмывало марксистский штамп — «какое общество — такой человек, такая школа» — перевернуть с головы на ноги: каков человек — такое общество, такая школа. Ведь это же факт: сначала на земле появился *отдельный человек* (пусть его звали даже Адамом), а потом он, в паре с Евой, начал создавать общество, удовлетворяя тем самым свои естественные врождённые потребности и одновременно давая выход распиравшим его, тоже естественным, врождённым, способностям. Значит, уже изначально не общество определяло человека, а совсем наоборот: человек определял общество и определял так, чтобы, служа такому обществу, он служил прежде всего самому себе и *только поэтому* всё время подчёркивал первоочерёдное значение общественных, т.е. общих интересов. Если же общество, в лице недалёковидного государства, не понимает эту диалектику, человек сметает его.

3. Вы умеете удивляться *фактам*? Например, таким: в незапамятные времена какой-то этруск разложил фонемы на буквы и придумал алфавит. С тех пор минули тысячи лет, но почему это изобретение, разумеется, более сложное, чем Интернет и даже полёт на Марс, всё входит и входит в одну и ту же реку? А почему мы «в наши времена» доверяем закону Архимеда, геометрии Евклида, классификации темпераментов, которую методом «ползучего эмпиризма» обосновал Гиппократ (ок. 460 — ок. 370 гг. до н.э.), музицируем по нотным знакам, которые тысячу лет назад вычленил из какофонии звуков итальянец Гвидо д'Ареццо (только представьте, сколько сменилось времён, композиторов, певцов, стилей, голосов, инструментов, а этим восьми закорючкам хоть бы хны). Почему не сомневаемся в законах Ньютона и Кеплера? Почему готовы хоть себя продать, но завладеть скрипкой Страдивари? Почему к Фидию, Микеланджело, Леонардо, Рафаэлю, Рембрандту, Шекспиру относимся как к неподражаемым современникам, а Макаренко, который по мощи гения не уступает им ни грана, отправили в царство мёртвых, предпочтя его «научным психологам», «научным диактам» и даже «инноваторам».

4. Вы обращали внимание на очевидный и бесспорный *факт*, что всё, — абсолютно всё, вплоть до зубочистки, — чем мы сегодня пользуемся, придумал не «социум», который мы так легкомысленно обожествили с подачи Маркса, а *отдельно взятый человек*? Неужели и при таком *факте* можно тратить «наше время» на то, чтобы оспаривать право *отдельно взятого человека* на роль *истинного хозяина жизни*?

5. Вам не приходило в голову, откуда у нас эта вселенская безысходность: «с сильным не борись, с богатым не судись», «плетью обуха не перешибёшь», «один в поле не воин», «голосуй — не голосуй, а выберут такого, кого *они* сами давно уже выбрали»...

С такими, реальными, а не бумажными законами Россия прожила всю свою тысячелетнюю историю и, к сожалению, продолжает жить по ним. Само собой разумеется, что при таких *реальных законах* надеяться на то, что у нас когда-нибудь заведётся «высшая производительность труда», что она быстро создаст современную экономику, а та позволит выплачивать достойную зарплату, содержать государство, помаленьку «догонять и перегонять» — всё это пустые мечты дилетантов из «верхнего эшелона», мираж посредине Сахары или на Северном полюсе. Пока власть не перестанет быть «службой народа» и не станет, по законам Природы, службой *отдельно взятого человека*, что великолепно доказал злейший враг коммунизма и марксизма Макс Штирнер (1806–1856), никаких перемен к лучшему в России не может быть по определению. Хорошо работать без полномочий хозяина, подневольно, без права на выбор, включая право школьников выбирать учебные курсы под врождённые способности, не удавалось никому.

Всё. Наводящих вопросов и комментариев к ним больше не будет. А пока вы размышляете, я продолжу «показ» Макаренко, какого мы никогда не знали и пока не знаем.

Если игнорировать праздных болтунов и учёных дилетантов, то подавляющее большинство людей, которых Бог пощадил и не лишил рассудка, совершенно справедливо считают: Макаренко был величайшим гуманистом и, конечно же, гениальным педагогом. Полноправным и полномасштабным преемником титанов научной, природосообразной педагогики: Коменского, Локка, Песталоцци, Дистервега и Ушинского. Но, на мой взгляд, это его не единственная и даже не главная историческая заслуга. Главная заслуга состоит в том, что в колонии имени Горького и особенно в коммуне имени Ф.Э.Дзержинского он осуществил грандиозный *социальный эксперимент*, создал *на все времена общечеловеческую* модель совершенного общественного устройства. Модель, в которой главным действующим персонажем является вовсе не коллектив, как многие привыкли думать, а *отдельно взятый человек* со всеми его *врождёнными потребностями* и *врождёнными способностями*. И только этим я объясняю непонятную с первого взгляда странность, что «опыт Макаренко» до сих пор остаётся тайной за семью печатями. Уж очень просто, очень художественно, очень «ненаучно» он описывает, анализирует этот «опыт». Привыкшие к непролазному, конспиративному словотворчеству «научных психологов» и «инноваторов», как правило, не замечают, какие под этой простотой и гоголевской манерой изъясняться скрыты Марианские впадины и какие Эвересты научной мысли из неё возвышаются.

Почитайте-ка, с учётом сказанного, его обычную вроде бы канцелярскую писульку, которую он в 1922 г. (!) отправил в Москву, в Центральный институт организаторов народного просвещения (где у нас такой институт, подскажите, пожалуйста?). Чтобы вам не метаться по всему семитомнику, главное процитирую: «Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком *хорошо* с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина (который о «Немецкой идеологии»), где марксизм представлен в первоизданном неглиже, даже не слышал. — В.К.).

И ниже: «С философией знаком очень несистематично. Читал *Локка*, «Критику чистого разума», *Шопенгауэра*, *Штирнера* (главного героя в «Немецкой идеологии». — В.К.), *Ницше* (самого выдающегося продолжателя образа мыслей *Штирнера*. — В.К.) и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьёва. О Гегеле знаком по изложениям»¹⁸.

---

¹⁸ Там же. Т. 7. М., 1958. С. 401.

Весьма характерно и такое признание: «*индивидуальную (!) психологию* считаю *несуществующей*»¹⁹.

---

¹⁹ Там же.

Вам интересно знать, что *такого* юный Макаренко мог «розшукать» у Штирнера? Сегодня это уже не скрывают. Книга «Единственный и его собственность» многократно переиздана и легко доступна. Но если любопытство столь велико, что не терпится, могу кое-что процитировать. Начну с того, что цитируют Маркс и Энгельс в той же «Немецкой идеологии». Именно по ней Сталин строил коммунизм, а Лысенко и Выготский сочиняли соответственно «научную биологию» и «научную психологию». Итак: «Чем каждый может стать, тем он и становится. Неблагоприятные обстоятельства могут помешать прирождённому поэту стоять на высоте эпохи и создавать великие творения, для которых совершенно необходима большая подготовка; но он будет сочинять стихи независимо от того, будет ли он батраком (Тарас Шевченко, например. — В.К.) или же ему посчастливится жить при веймарском дворе (намёк на то, что при этом дворе жил величайший поэт и писатель Гёте. — В.К.), прирождённый музыкант будет заниматься музыкой, безразлично, на всех ли инструментах или только на пастушьей свирели. Прирождённый философский ум сможет проявить себя либо в качестве университетского философа, либо в качестве деревенского философа. Наконец, прирождённый глупец всегда останется тупицей. И надо сказать, что прирождённые ограниченные головы бесспорно образуют самый многочисленный класс людей. Да и почему бы в человеческом роде не быть тем же самым различиям, которые встречаются во всякой породе животных?»²⁰

---

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 494.

В новом переводе после слов «...деревенского философа» следует существенно другое, а именно: «Наконец, дурак, который в то же время большой пройдоха (это вовсе не противоречит друг другу) остаётся всегда дураком; всякий, кто учился в школе, может, вероятно, подтвердить это многочисленными примерами; из него могут выдрессировать какого-нибудь начальника канцелярии, но всё же он останется таким же идиотом, как и в том случае, если бы чистил сапоги начальнику канцелярии. А ведь тупицы от природы образуют бесспорно наиболее многочисленный класс людей. Почему бы как раз в человеческом роде не быть таким же различиям, как среди животных? Повсюду есть более способные и менее способные»²¹.

---

²¹ Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 313.

И далее: «Но почти никто не туп настолько, чтобы нельзя было вбить в него некоторых идей. Поэтому обычно считают всех людей способными иметь религию. До известной степени они имеют ещё и другие способности, например, к некоторому музыкальному восприятию, даже немного к философии и т.д. Здесь поповство примыкает к религии, нравственности, воспитанию, науке и т.д. и коммунисты, например, хотят посредством «народных школ» сделать *всем всё* доступным» (демагогическая утопия, поскольку все способности людей не только врождённые, но ещё и неповторимые. — В.К.)²².

---

²² Там же. С. 313–314.

Но это цветочки. Тут Штирнер ещё гладит коммунистов по головке. А вот «ягодками» он стирает их в порошок, чем и провоцирует «основоположников» на ответные действия — на подтасовки, оскорбления, на грубость вплоть до прямого хамства. Но послушаем, что и как ещё «в те времена» инкриминировал коммунизму самый, быть может, его лютый и умный враг: «Коммунизм справедливо восстаёт против гнёта, который я испытываю от единичных собственников, но ещё страшнее та власть, которую он даёт обществу»²³.

---

²³ Там же. С. 245.

На бредовый лозунг коммунистов — «Всё принадлежит всем» Штирнер разумно возражает: «Это положение вытекает из той же бессодержательной теории (которая получила название марксизма. — В.К.). Каждому принадлежит то, к чему он способен. Если я говорю: мне принадлежит мир, то это, собственно, пустая болтовня, которая имеет смысл только в том случае, если я не уважаю чужой собственности. Но мне принадлежит столько, сколько я в состоянии (т.е. сколько позволяют врождённые способности. — В.К.) приобрести»²⁴.

---

²⁴ Там же. С. 255.

Или: «Все плачутся на отсутствие свободы печати! От чего, однако, следует освободить печать? Конечно, от какой-нибудь зависимости, закрепощения, прислужничества! Но освободиться от этого — дело каждого отдельного человека, и можно с уверенностью сказать, что если ты освободился от *прислужничества*, то и всё, что ты сочинил и написал, будет принадлежать тебе, будет твоей *собственностью* и тебе не придётся ни думать, ни писать, как слуге какой-нибудь власти»²⁵. И ниже: «Если печать — моя собственность, то мне так же мало нужно обращаться для напечатания чего-нибудь за разрешением к государству, как и для того, чтобы высморкаться»²⁶.

---

²⁵ Там же. С. 268–269.

²⁶ Там же. С. 272.

Подобные перлы «махрового антикоммунизма» рассыпаны по книге Штирнера как бриллианты гениальной мысли. Однако наслаждаться можно до самозабвения, до экстаза, но не бесконечно. Поэтому ещё один пример супервысокого взлёта (155 лет назад!) и на этом закончу: «Какой шум поднимают из-за «тысячелетней несправедливости», которую совер-

шили богатые над бедными. Как будто богатые виновны в бедности неимущих и будто бы бедняки не виновны в богатстве имущих! Разве различие между богатыми и бедными не сводится к разнице *между способными и неспособными*, к различию между *умеющими и неумеющими взять* (т.е. заработать. — В.К.)? В чём заключается преступление богачей? «В их жестокосердии». Но кто поддерживает бедняков, кто заботится о их пропитании, когда они не могут более работать, кто раздаёт милостыню, ту милостыню, которая даже название своё получила от слова «милость»? Разве богачи не были всегда «милостивы», разве и по сей день они не «благотворители», о чём свидетельствуют налоги в пользу бедных, богадельни, всякого рода приюты и т.д.»²⁷.

---

²⁷ Там же.

И далее: «Но вам мало всего этого. Они должны, значит, *поделиться* с бедными? Вы требуете, чтобы они уничтожили бедность. Не касаясь того, что едва ли кто-либо из вас поступил бы так и что тот, кто действительно сделал бы это (например, Роберт Оуэн, всадивший всё своё состояние в колонию для пролетариев, которые, вместо того чтобы отблагодарить своего благодетеля усердным трудом, проели, пропили и разворовали всё до нитки; или наш Савва Морозов, который через Максима Горького субсидировал партию большевиков и сам от разочарования спился до белой горячки. — В.К.), был бы глупцом, спросите самих себя: почему богатые должны жертвовать *собой*, когда такой поступок будет гораздо полезнее для *бедных*? Ты, ежедневно зарабатывающий талер, богаче тысячи других, живущих на четыре гроша. В твоём ли это интересе поделиться с тысячью других, или как раз наоборот — это их интерес?»²⁸

---

²⁸ Там же. С. 255.

Справка. Добровольные пожертвования американских богачей составляют в год 300(!) миллиардов долларов, т.е. несколько наших годовых бюджетов²⁹.

---

²⁹ См.: Коробов В. Знание детства меня обжигает // Труд. 1998. 5 декабря.

Разве американские бедняки что-нибудь выиграли, если бы капитал жертвователей они поделили и проели? Разве они бы выиграли, если бы сделали своих богачей нищими, отобрав у них заводы и фабрики, превратив их в руины люмпенским управлением? Такие сомнения обосновывал Штирнер, пытаясь охладить «новаторский» и «инновационный» пыл коммунистов.

На эти сомнения «основоположники» и набросились, как голодные волки на зайца, опрокинули на его голову всю свою «культурно-историческую» парашу: «Санчо (так они презрительно называли Штирнера. — В.К.) переживает здесь приключение с волшебным напитком, приготовленным Дон Кихотом из розмарина, вина, оливкового масла и соли; как рассказывает Сервантес в семнадцатой главе, Санчо, испив эту смесь, целых два часа подряд, в поте лица и с судорожными конвульсиями, извергал её из обоих каналов своего тела»³⁰. Было у кого сталинским идеологам, особенно Жданову, поучиться «высокому штилю».

---

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 425.

Многие сочтут это эпатирующим парадоксом, а кое-кто даже кощунством, но лучшего рецепта от всеобщего педагогического (и не только педагогического) помешательства, чем тот, который предложил Штирнер, по-моему, не существует: «*Можно ли бессмыслицу реформировать так, чтобы она превратилась в смысл, или следует просто отказаться от неё?*»³¹ Даже представитель «самого многочисленного класса людей» ответит правильно: «Баста! Наигрались. Наинноватились. Пора браться за науку. За труды Коменского, Локка, Песталоцци, Дистервега, Ушинского, Макаренко. Этой великолепной шестёрки более чем достаточно, чтобы быстро справиться с любыми проблемами сегодняшней школы».

---

³¹ Там же. С. 222.

Самое удивительное, что рецепт Штирнера полностью совпадает с рецептом Ленина. Он, как уже говорилось, «Немецкую идеологию» в глаза не видел, потому что с 1845 по 1932 г. она, забытая и брошенная, тихо лежала в архиве немецких социал-демократов и впервые была опубликована в 1932 г. уже в СССР, где и стала Библией «научного коммунизма». Значит, гипнозу, который исходит от неё и поныне, не подвергался. Но если бы и подвергся, то наверняка без последствий — силой ума удался, пожалуй, ещё больше, чем «гипнотизёры». Все суждения Ленина по вопросу врождённости способностей привести не берусь, но те, которые полностью и навсегда снимают марксистскую порчу (и не только в педагогике!), представлю дословно, с удовольствием, а в известном смысле и со злорадством. Итак:

а) «Галанты *не рождаются сотнями*»³²;

---

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 122.

б) «Действительно способные агитаторы и пр. *выделяются «средняками»* вовсе не слишком часто»³³;

---

³³ Там же. С. 132.

в) «Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создаёт автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» *полной гласности, выборности и всеобщего контроля* (а вовсе не «формирование», «новообразование» или «развитие». — В.К.) обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берётся за наиболее *подходящее* его *силам и способностям* дело, испытывая на себе самом все последствия своих ошибок, и доказывает перед глазами всех свою *способность* сознавать ошибки и избегать их» (надо ли напоминать, что без реальной, оппозиционной государству четвёртой власти, т.е. СМИ — такое немислимо? — В.К.)³⁴;

---

³⁴ Там же. С. 139.

г) «Социал-демократия всегда и везде была и не может не быть представительницей *сознательных* (т.е. умных. — В.К.), а не *бессознательных* (т.е. неумных. — В.К.) рабочих. Не может быть ничего опаснее и преступнее демагогического заигрывания с *неразвитостью* (т.е. со скудоумием. — В.К.) рабочих. Если критерием деятельности брать то, что сейчас же непосредственно доступно в наибольшей степени *самой широкой массе* (сравни с «наиболее многочисленным классом людей». — В.К.), то придётся проповедовать антисемитизм или агитировать, скажем, на почве обращения к отцу Иоанну Кронштадтскому»³⁵;

---

³⁵ Там же. Т. 4. С. 315.

д) «Ни в одном политическом или социальном движении, ни в одной стране никогда не было и быть не могло иного отношения между *массой* данного класса или народа и *немногочисленными интеллигентными представителями* его, кроме именно такого: всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, *наиболее интеллигентные* представители»³⁶.

---

³⁶ Там же.

Справка. «Интеллигентность (от лат. *intellegerе* — постигать, схватывать, быть знатоком) — свойственная человеку *духовная* (т.е. нравственная. — В.К.), *разумная способность*, в узком смысле — *способность быстро находить выход, решение в необычных обстоятельствах, правильно и быстро схватывать главное в положении вещей или процессе и вообще гибкость ума, приспособляемость, умственное любопытство, способность к быстрому мышлению и заключению. Степень развития интеллигентности различна, начиная с близкой к нулевой при идиотизме до непостижимо высокой у гения...*»³⁷

³⁷ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 182.

И последнее:

е) «Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, то под равенством разумеют равенство *способностей* или одинаковость физических сил и *душевных* (т.е. нравственных. — В.К.) *способностей* людей. Само собой разумеется, что в этом смысле люди не равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого»³⁸.

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 361–362.

Если принять во внимание, что Макаренко даже в детстве отличался поразительной начитанностью, то мог ли он в зрелой юности, будучи «хорошо знакомым с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова и Ленина», предпочесть аргументам Штирнера марксистскую схоластику и стать сначала марксистом, а потом и «сталинистом»? И разве мог бы он, следуя по стопам марксизма и сталинизма, решиться на *свою* педагогическую и социальную революцию в колонии имени Горького и в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского? Исключено на все 100 процентов! Исключено, ибо об этом свидетельствуют не только его теоретические выкладки, но многократно проверенные, достоверные *факты*.

Кто-то из особо удивлённых, ошеломлённых и шокированных непременно воскликнет: «Но как же так?! Ведь в его работах то и дело мелькают такие словосочетания, как «коммунистическое воспитание», «марксистское мировоззрение», «мудрые указания Сталина» и т.п.? А вы полюбостыдитесь, когда работы с этими «словосочетаниями» публиковались? Правильно: в 1937–1938 годах. А что у нас в эти годы творилось? Вы бы стали делать ссылки на Михайловского, Туган-Барановского, Железнова, Маслова, а уж тем более на Штирнера?

Конечно, все эти «словосочетания» были спасительной дымовой завесой, чудовищно вынужденной, конъюнктурной риторикой, благодаря которой мы узнали ещё об одном общечеловеческом гении. В своё время я проделал «тихий эксперимент». Взял и потихоньку вычеркнул все эти «словосочетания». И что же мне открылось? Я увидел, какой чистой и честной стала *подлинная* логика тех самых работ, публиковавшихся в указанные годы. Повторить этот «эксперимент» может каждый, и я настоятельно советую это сделать, чтобы не попасться на удочку Азарова и его компании.

Заодно перечитайте «Педагогическую поэму». Можно только удивляться «прорухе» советской цензуры, потому что вся эта книга нашпигована — почти без маскировки — антисоветчиной. В самом начале можно, к примеру, обнаружить, что любимым праздником в колонии имени Горького был день... Февральской революции!³⁹ А уж какие поношения в адрес большевиков Антон Семёнович вложил в уста легендарного «соучредителя» колонии Калины Ивановича Сердюка: даже глядя в текст, не веришь глазам. Думаю, что «виноват» Горький. Он был единственным редактором «Поэмы» (кстати говоря, ничего не правил), а «присматривать» за ним даже Сталину было неловко.

³⁹ См.: Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1957. С. 35.

Что касается праздных болтунов и учёных дилетантов, то я, разумеется, не могу оспаривать их право на собственное мнение. Но во избежание новых конфузов всё же напомним гуманнейший смысл русской поговорки: очень это чревато — «соваться в воду, не зная броду». Особенно когда перед тобой не какая-нибудь «инновационная» лужа-лажа, а бездонный океан гениальности автора «Педагогической поэмы».